

ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К НАЦИОНАЛЬНЫМ МЕНЬШИНСТВАМ В СЛОВАКИИ И РУМЫНИИ НА РУБЕЖЕ XX — XXI ВВ.¹

.....

Баринов И. И., Пантин В. И.

Баринов Игорь Игоревич, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23.
Эл. почта: barinovnoble@gmail.com.

Пантин Владимир Игоревич, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: v.pantin@mail.ru.

В статье рассмотрены основные тенденции и особенности политики по отношению к национальным меньшинствам в Словакии и Румынии в конце XX — начале XXI в. Показано, что при наличии некоторых общих черт в Словакии и в Румынии реализуются разные модели регулирования национальных (межэтнических) отношений, что определяется особенностями исторического развития этих государств. Одно из важных различий состоит в том, что Словакия обрела свою самостоятельную государственность относительно недавно, в то время как Румыния имеет более длительные традиции построения и развития государственности. Отсюда следуют различия в положении национальных меньшинств и в политике государства по отношению к ним. Так, в Словакии отношения между венграми и словаками остаются достаточно напряженными, а в Румынии, несмотря на проблему Трансильвании, отношения между румынами и венграми являются менее конфликтными. Сделан вывод, что дальнейшее, более эффективное регулирование положения национальных меньшинств в Словакии и Румынии во многом будет зависеть от наличия конструктивного диалога между правительствами этих стран, национальными меньшинствами и руководством Европейского союза. Для этого необходимо, чтобы руководство Словакии и Румынии ответственно подходило к регулированию национальных отношений, а руководство ЕС учитывало историческую и культурную специфику стран Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: национальные меньшинства, Словакия, Румыния, Европейский союз, этнополитические процессы, регулирование межэтнических отношений.

¹ Статья подготовлена в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 15-18-00021 «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)».

Обеспечение прав национальных меньшинств является важной и актуальной, но до конца не решенной проблемой для многих стран Европейского союза. Во многом это связано со сложной историей европейских стран, особенно на протяжении XIX–XX вв., в частности, с многочисленными изменениями границ европейских государств, а также с попытками ассимилировать или дискриминировать национальные и этнические меньшинства в Европе. Положение национальных меньшинств, их участие в социальной, культурной и политической жизни стран Европейского союза непосредственно влияет на эффективность регулирования этнополитических процессов как на национальном, так и на наднациональном уровне, во многом определяя социальную стабильность. Само положение национальных меньшинств, их удовлетворенность или неудовлетворенность своим положением является важным индикатором реального, а не декларируемого благополучия европейских обществ, развития в них демократии и плюрализма. Важно также подчеркнуть, что без интеграции национальных меньшинств, их участия в социально-политических процессах невозможна консолидация современной политической нации на основе формирования правового государства и общей гражданской идентичности.

На протяжении XX в. положение национальных меньшинств в европейских государствах существенно менялось, причем особенно большие изменения в их положении происходили после Первой и Второй мировых войн, когда распались империи, возникали новые государства, менялись границы и в Европе происходила массовая, нередко принудительная миграция населения. В настоящее время положение национальных меньшинств в странах Европейского союза регулируется такими правовыми актами, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Документ Копенгагенского Сопровождающего Конференции по человеческому измерению ОБСЕ (1990), принятая ООН Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992), Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995), а также законами о защите прав национальных и этнических меньшинств, принятыми в различных странах ЕС.

В то же время было бы некорректно утверждать, что политика по отношению к национальным меньшинствам в разных странах ЕС является единой и однотипной, а само пространство ЕС в этом плане однородно. Так, подобная неоднородность существовала и в странах — «старых» членах ЕС, принадлежащих к Западной Европе. К примеру, в Конституции и других законодательных актах Пятой республики во Франции практически отсутствует само понятие «национальное меньшинство», поскольку все граждане Франции, независимо от их этнической принадлежности, объявляются «французским народом» (преамбула Конституции Франции, ст. 11, 72–3 и др.). Не следует забывать и то, что национализм, доминировавший во многих странах «старой» Европы в XIX — первой

половине XX в., не исчез и продолжает существовать в переформатированном виде (Brubaker, 1996; Малахов, 2005).

Однако наиболее значительные проблемы в сфере обеспечения прав национальных и этнических меньшинств и связанная с ней неоднородность политики по отношению к ним возникли при вовлечении в европейскую интеграцию стран Центральной и Восточной Европы. Во многих странах бывшего социалистического блока вопросы, связанные с положением национальных и этнических меньшинств, долгое время находились в «спящем режиме», и им уделялось ровно столько внимания, сколько позволяли власти (Alcock, 2000). Не в последнюю очередь из-за недостаточного внимания, которое уделялось в прошлом, теперь эти вопросы стоят достаточно остро, требуя как специального законодательного регулирования, так и развития соответствующих институтов. Острота этих вопросов объясняется, с одной стороны, сложной историей этих стран, их полиэтничностью, ярко выраженной спецификой по сравнению со странами Западной Европы, а с другой — сложными социальными, политическими и миграционными процессами, характерными для стран Центральной и Восточной Европы в XX в., противоречивыми и неоднозначными явлениями, связанными со становлением и развитием национальных государств.

Следует отметить, что обширная территория, лежащая восточнее и юго-восточнее Одера и Вислы, долгое время оставалась для «исторической Европы» своеобразной *terra incognita* и нередко наделялась несоответствующими ей характеристиками. Данное наследие дает о себе знать до сих пор. В частности, это выражается в том, что руководящие структуры Евросоюза в Брюсселе не всегда могут верно оценить те процессы, которые происходят в Центральной и Восточной Европе в сфере межэтнических и межнациональных отношений. Из-за этого нередко возникают нестыковки и даже столкновения между общими принципами, декларируемыми ЕС, и реальной культурной, политической и экономической ситуацией в «новых» государствах Евросоюза, которая значительно отличается от стандартов, привычных Западной Европе. Стремление унифицировать политику в отношении национальных и этнических меньшинств подчас ведет не к решению проблем, а к их усугублению. Это связано с тем, что национальные меньшинства в каждой центрально- и восточноевропейской стране имели и имеют свои характерные особенности, которые продолжают сохраняться несмотря на членство данных стран в ЕС и на стремление властей Евросоюза проводить единую политику по отношению к национальным и этническим меньшинствам.

Настоящая статья посвящена сравнительному исследованию положения национальных меньшинств в Словакии и в Румынии, а также анализу политики, проводимой в отношении этих меньшинств властями рассматриваемых государств ЕС. Выбор именно этих стран для сравнительного анализа определяется тем, что в них реализуются разные модели регулирования национальных отношений,

а также тем, что степень этносоциальной конфликтности в этих странах существенно различается. При наличии ряда общих черт, позволяющих сравнивать политику данных государств по отношению к национальным меньшинствам, есть и заметные различия, причины которых лежат в различных плоскостях.

В Словакии основным национальным меньшинством являются венгры. Они доминируют в численном отношении — их доля в населении Словакии составляет около 10%, в большинстве своем компактно расселенных вдоль южной границы страны (Daftary, Gal, 2003). Взаимоотношения двух данных этнонациональных групп (словаков и венгров) в рамках словацкого государства были и остаются далекими от идеальных. В свое время словацкая этническая территория столетиями была интегральной частью Венгерского королевства. Нынешняя столица Словакии, Братислава, одно время даже была столицей Венгрии.

Трения между словаками и венграми усилились после распада Чехословакии (1992), когда в независимой Словакии возобладали восходящие к этническому национализму принципы «одно государство — один язык» и «нация-государство». Как считают исследователи словацкой проблематики, в постсоциалистической Словакии венгры превратились в «ожившего Чужого», «исторических колонизаторов», образ которых использовался политиками для сплочения нации в условиях экономических сложностей переходного периода (Daftary, Gal, 2003).

Порой отношение к венграм приобретало характер дискриминации. Так, до определенного момента происходила славянизация имен и фамилий у этнических венгров, венгерские начальные школы с низкой посещаемостью закрывались с целью «укрупнения», в результате чего терялась локальная культура (Alcock, 2000). Венгерские стандарты образования были более низкими, чем словацкие, что сказывалось на поступлении в высшие учебные заведения — в 1990-х гг. среди студентов было менее 9% этнических венгров. Немалой части венгерского населения приходилось оставаться и работать на земле, при этом они не получали государственной поддержки (Némethová, Öllös, 2003). В районах этнической чересполосицы всего 3% венгров отмечали, что владеют только венгерским языком (остальные в той или иной мере знают словацкий язык), тогда как среди словаков доля освоивших язык «соседей» составляла всего лишь около 60% (Daftary, Gal, 2003).

Официальный Будапешт неоднократно подчеркивал свою заинтересованность в улучшении положения венгерского меньшинства Словакии. Однако попытки поставить вопрос о какой-либо форме венгерской автономии вызвали резкую реакцию словацкого руководства. 2006 и 2008 гг. в Словакии ознаменовались межэтническими столкновениями словаков и венгров, а осенью 2009 г. там был принят закон, согласно которому в тех районах, где национальное меньшинство составляло менее 20% населения, использование его языка в официальной сфере каралось немалым денежным штрафом. По выражению венгерского депутата Европарламента Дьёрдя Шопфлина, отношения между Венгрией и Словакией

стали напоминать «холодную войну» (Нелаева, 2010). Хотя в настоящее время представители венгерского меньшинства входят в парламент и в правительство Словакии, отношения между двумя общностями остаются достаточно напряженными.

Традиционно непростые отношения Словакии (ранее — Чехословакии) с Венгрией отразились и на русинском меньшинстве. В социалистической Чехословакии русинов причисляли к украинцам, и их положение начало меняться только после «бархатной» революции 1989 г. (Грацианская, 2000). В настоящее время русины признаны в Словакии национальным меньшинством на государственном уровне. На русинском языке выходят газеты, существуют русинские культурные союзы (Грацианская, 2000). С 1997 г. русинские образовательные программы действуют в семи школах на востоке Словакии (Ви́сек, 2001). Согласно переписи 2001 г., проведенной в Словакии, 24,2 тыс. словацких граждан назвали себя русинами (Daftary, Gal, 2003). Наряду с русинским на востоке Словакии официально выделяется и украинское меньшинство. По данным переписи 2001 г., его численность более чем вдвое уступает русинскому, составляя 10,8 тыс. чел. (Daftary, Gal, 2003).

В Братиславе в целом достаточно лояльно относятся к русинскому движению, в нем активно участвуют представители зарубежной (главным образом американской и западноевропейской) диаспоры. В то же время происходит интенсивный процесс ассимиляции словацких русинов, причем главными причинами являются экономические. Из-за высокого уровня безработицы в восточных районах, где проживают русины, происходит отток населения в более благополучные и экономически развитые западные районы Словакии. Из-за главенства словацкого языка во всех сферах общественной жизни у родителей нет интереса к обучению детей на русинском языке (Ви́сек, 2001). Данные процессы являются неблагоприятными для словацких русинов и в определенной мере представляют опасность для сохранения ими своей идентичности. Украинское меньшинство, очевидно, подвержено тем же процессам — по сравнению с чехословацкой переписью 1991 г. число носителей украинского языка в Словакии к 2001 г. сократилось вдвое, уменьшилось и количество тех, кто этнически относил себя к украинцам (Daftary, Gal, 2003).

Проблема национальных меньшинств в Румынии имеет свои характерные особенности. Это объясняется целым рядом причин. Во-первых, Румыния является более крупной по сравнению со Словакией страной, а ее этническая палитра куда более разнообразна. Так, в румынском государстве насчитывается 16 групп меньшинств, в разной степени социально, экономически и политически интегрированных в румынское общество (Horváth, Scacco, 2001). Во-вторых, из-за изменений границ после обеих мировых войн в Румынии существует проблема Трансильвании, где проживает большое число этнических венгров. Как известно, именно недовольство венгров Трансильвании политикой Н. Чаушеску и их

открытое выступление против его режима послужило толчком к румынской революции 1989 г. Наконец, экономическое и социальное развитие Румынии происходит медленнее и с большими трудностями, чем в большинстве других стран ЕС, что влияет и на положение меньшинств.

Как и в Словакии, главным этническим меньшинством в Румынии являются венгры. Сейчас их численность составляет более 1,4 млн. чел. (7% населения страны). При этом в отличие от Словакии венгры никогда не были доминирующим элементом на территории будущей Румынии и соответственно не становились в постсоциалистические времена препятствием для поддержания румынской идентичности. Более того, как показывают социологические исследования, в 1990-е гг. румынское и венгерское сообщества даже солидаризировались относительно общей направленности политики страны и действий ее руководства (Chiribucă, Magyari, 2003).

Тем не менее в румыно-венгерских отношениях со временем наметились определенные конфликтные ситуации. В фокусе внимания сторон оказалась Трансильвания, где, подобно словацкому случаю, компактно расселена подавляющая часть венгров Румынии. В рамках этого региона произошло взаимное наложение венгерского и румынского национальных мифов. С точки зрения венгров Трансильвания долгое время была единственным в Европе оплотом венгерской культуры и государственности. Радикально настроенная часть венгерского населения, считая Трансильванию «своей» исконной территорией, настаивала, как минимум, на определенной форме автономии для венгров, а в лучшем случае — на признании их вторым конституирующим этносом страны (Horváth, Scacco, 2001). Особенно эти требования усилились весной 2008 г. после провозглашения независимости Косово. В 2009 г. в Трансильвании образовался непризнанный Секейский край по образцу той венгерской автономии, которая некоторое время существовала в социалистической Румынии.

В румынском случае Трансильвания стала последним звеном в собирании «румынских земель», из которых в 1918 г. и возникла современная Румыния. В самом румынском политическом дискурсе «этническое» и «национальное» выступают как взаимозаменяемые понятия (Horváth, Scacco, 2001), из чего, собственно, и проистекает унитарный характер политического строя румынского государства. В румынских школьных учебниках опускались целые отрезки из истории венгерской Трансильвании, умалялась или игнорировалась роль трансильванских князей, а венгерские имена собственные романизировались (Chiribucă, Magyari, 2003). Это вызывало заметное недовольство венгров, которые требовали для себя культурные и образовательные программы, более соответствовавшие их национальным предпочтениям (Horváth, Scacco, 2001).

Следует отметить, что венгерское меньшинство в Румынии является наиболее активным в деле отстаивания своих позиций. Важной составляющей идентичности венгров является язык. Несмотря на упомянутый унитаризм румынского

государства, в том числе в языковом плане, лишь около 2% венгров не владеют венгерским, тогда как большинство представителей цыганского и еврейского меньшинств уже утратило свои «исторические языки» в пользу румынского (Horváth, Scacco, 2001). В отличие от венгерского сообщества остальные меньшинства Румынии (сербы, русские-липоване) просто стремятся сохранить свою индивидуальность, и вокруг их положения нет значительных дебатов (Horváth, Scacco, 2001).

Сравнивая Словакию и Румынию в указанном плане, имеет смысл отметить как определенные совпадения, так и, напротив, заметные различия в положении национальных меньшинств и в политике его регулирования в обеих странах.

Базовым сходством является проблема внутренних противоречий в текстах конституций Словакии и Румынии. Они возникли, когда эти государства пытались подогнать свой основной закон под европейские стандарты, не меняя при этом его первоначальную суть. Так, в обоих случаях национальным меньшинствам в той или иной форме гарантируется право «сохранять, развивать и выражать» свою идентичность, получать образование на родном языке и использовать его в официальных отношениях. При этом в конституции как Словакии, так и Румынии зафиксирован унитарный характер государства и главенствующее положение национального языка большинства. В словацком случае даже присутствует пункт о том, что решение вопросов, связанных с меньшинствами, не должно создавать угрозу территориальной целостности страны (Horváth, Scacco, 2001; Грацианская, 2000). Кроме того, централизация власти в обеих странах, при которой решения на низовом уровне могут быть нивелированы сверху, является серьезным препятствием на пути обеспечения локального представительства национальных меньшинств и их участия в политической жизни.

Что касается различий рассматриваемых случаев, то они коренятся в особенностях исторического развития названных стран. Словаки, которые на протяжении длительного времени сами были не обладающим государственно-стью этническим меньшинством в Венгрии, теперь стремятся утвердить свое положение как образующей государство нации. Так, еще в 1996 г. территория Словакии была переключена таким образом, что ни в одном округе, где присутствует несловацкое население, у него нет преобладания (Грацианская, 2000). Румыния же имеет опыт национальной государственности, а большая часть румын, за определенными исключениями, не была меньшинством в рамках другой страны. Бухарест допускает, с известными оговорками, возможность общественной самоорганизации меньшинств (как в случае с секеями). В тех районах Румынии, где меньшинство составляет более 30%, присутствуют двуязычные вывески (Alcock, 2000). Вместе с тем румынский опыт на практике оказывается противоречивым и даже амбивалентным. В рамках упомянутого представления о румынах как конституирующей нации центральная власть стремится консолидировать все меньшинства вместе вокруг нее, без оглядки на значительные

политические, демографические и социально-экономические различия между ними (Horváth, Scacco, 2001). Иногда — как в случае формирования правящей коалиции в 1996 г. — настроения более маленьких по численности меньшинств аккумулируются властями для создания противовеса венгерской политической аджэнде (Horváth, Scacco, 2001).

В целом, следует отметить, что, несмотря на наличие позитивных подвижек в сфере обеспечения культурных и языковых прав национальных меньшинств в Словакии и Румынии, практическое решение наиболее политически ангажированных вопросов (в частности, предоставления меньшинствам территориальной автономии) отложено на неопределенный срок. Вполне вероятно, что, помимо национально-политических особенностей указанных стран, речь может идти о чисто экономических характеристиках. Так, места компактного проживания венгров и в Румынии, и в Словакии, не самых богатых государствах Европы, относятся к экономически отсталым районам, что в перспективе может вызвать появление дополнительных дотационных регионов. Всестороннее развитие культурных, образовательных и иных программ для национальных меньшинств опять же грозит стать нагрузкой для налогоплательщиков из числа большинства, не говоря уже о том, что подобная политика будет противоречить букве и духу конституций.

Примечательно, что данный комплекс противоречий уже находит свое выражение в цыганской проблеме, остро актуальной и для Румынии, и для Словакии. В первом случае это меньшинство политически и культурно маргинализировано, а его представители сталкиваются с дискриминацией со стороны всех остальных граждан. Вопрос снижения трений между цыганами и представителями других этнических (этнонациональных) сообществ является насущным и стоит перед румынским правительством (Horváth, Scacco, 2001). В Словакии данная проблема артикулирована не в меньшей степени. Организованность цыганского сообщества и самосознание его представителей заметно выросли уже к концу 1990-х гг. (Грацианская, 2000). При этом определить реальное количество цыган в Словакии по ряду причин весьма затруднительно. Согласно оценкам экспертов, они составляют от 1,7 до 9,7% населения (Daftary, Gal, 2003), что является очень большим разбросом данных и затрудняет выработку политики взаимодействия.

Нужно подчеркнуть, что дальнейшее регулирование положения национальных меньшинств в Словакии и Румынии во многом будет зависеть от наличия конструктивного диалога между правительствами названных стран и руководством Евросоюза. Этот диалог должен включать, помимо прочего, готовность Братиславы и Бухареста идти на реальные уступки меньшинствам и стремиться в действительности, а не формальным образом поднять текущий политический уровень до европейских стандартов. Брюсселю же, со своей стороны, также предстоит соотнести устоявшиеся в Западной Европе нормы с политическими традициями и реальным социально-экономическим состоянием новых членов

ЕС. В более или менее полной мере учитывать специфику межнациональных отношений в странах Восточной и Центральной Европы — непростая задача, поскольку учет такой специфики противоречит некоторым тенденциям унификации и стандартизации в политике руководящих органов ЕС. Однако, как представляется, именно такие шаги смогут не только заложить основу для будущей позитивной динамики в обеспечении прав национальных меньшинств, но и снизить градус этнополитической конфликтности как на региональном, так и на межстрановом уровне.

В плане политической теории рассмотренные случаи политики в отношении национальных меньшинств в Словакии и Румынии представляют интерес с точки зрения анализа формирования гражданской идентичности и ее взаимодействия с этнической идентичностью. Проблема соотношения и сложного, противоречивого взаимодействия этнической и гражданской идентичности является весьма актуальной и для стран ЕС, и для постсоветских государств, прежде всего для России (Семененко, 2016). Как показывает опыт современной Словакии и Румынии, формирование общегражданской идентичности в этих странах сопровождается подъемом этнической идентичности, а в ряде случаев — и этнополитической конфликтности, когда стороны конфликта для достижения своих политических целей используют ресурсы этничности. При этом даже наличие наднациональных институтов и общих норм политики ЕС в отношении национальных меньшинств не позволяет избежать периодического обострения в ряде стран Восточной и Центральной Европы этнополитической конфликтности, что связано как с исторически возникшими противоречиями между различными этническими сообществами, так и с современными, весьма динамичными социально-экономическими и политическими процессами. Процессы глобализации и регионализации существенно влияют на положение различных этнических сообществ и национальных меньшинств. В результате, с одной стороны, происходит частичное размывание, переформатирование и изменение функций прежнего государства-нации, а с другой — усиливается региональная и этническая идентичность. Все это делает процессы формирования гражданской идентичности и регулирования межнациональных отношений в современном мире более сложными, нелинейными, многоаспектными.

Несмотря на всю специфику этносоциальных и этнополитических отношений в России по сравнению со странами ЕС, многое из сказанного соотносится также и с российскими реалиями, а опыт стран Восточной и Центральной Европы имеет значение и для России. Так, противоречия между этнической и гражданской (общероссийской) идентичностью характерны и для современной России, а определенные элементы и аспекты политики Евросоюза в отношении национальных меньшинств могут иметь значение и для российской политической практики. При этом важно отметить, что попытки форсированно сформировать общероссийскую гражданскую идентичность, не обращая внимания

на существующие в различных регионах России реалии и на их специфику, как и попытки форсированно сформировать наднациональную европейскую идентичность в ЕС, игнорируя особенности отдельных стран, часто ведут к обратным результатам, т.е. к этнизации политического процесса, использованию этнической идентичности для политической мобилизации. В связи с этим, как представляется, необходимо особенно тщательное, кропотливое изучение ситуации в области межнациональных отношений в различных российских регионах и учет региональной специфики с тем, чтобы избежать обострения этнополитической конфликтности.

Библиографический список

1. Грацианская, Н. Н. (2000). Этнические меньшинства в Словакии. В М. Ю. Мартынова, Н. Н. Грацианская (ред.) *Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства* (с. 229–251). М.: Институт этнологии и антропологии, Российская академия наук.
2. Малахов, В. С. (2005). *Национализм как политическая идеология*. М.: КДУ.
3. Нелаева, Г. А. (2010). Европеизация и права венгерского меньшинства в отношениях Венгрии и Словакии. *Европа*, 9, 117–125.
4. Семененко, И. С. (2016). Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*, 4, 8–28.
5. Alcock, A. (2000). *A History of the Protection of Regional Cultural Minorities in Europe*. Basingstoke: Macmillan Press.
6. Brubaker, R. (1996). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Buček, J. (2001). Responding to Diversity: Solutions at the Local Level in Slovakia. In A. M. Bíró & P. Kovács (Eds.) *Diversity in Action: Local Public Management of Multi-Ethnic Communities in Central and Eastern Europe* (pp. 273–306). Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative.
8. Chiribucă, D. & Magyari, T. (2003). Impact of Minority Participation in Romanian Government. In M. Robotin & L. Salat (Eds.) *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* (pp. 69–91). Budapest: Open Society Institute.
9. Daftary, F. & Gal, K. (2003). The 1999 Slovak minority language law: internal or external politics? In D. Farimah & F. Grin (Eds.) *Nation-Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries* (pp. 31–71). Budapest: Open Society Institute.
10. Horváth, I. & Scacco, A. (2001). From the Unitary to the Pluralistic: Fine-tuning Minority Policy in Romania. In A. M. Bíró & P. Kovács (Eds.) *Diversity in Action: Local Public Management of Multi-Ethnic Communities in Central and Eastern Europe* (pp. 243–271). Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative.
11. Némethová, D. & Öllös, L. (2003). Hungarians in the Slovak Government. In M. Robotin & L. Salat (Eds.) *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* (pp. 113–139). Budapest: Open Society Institute.

Статья поступила в редакцию 22.09.2016.

NATIONAL MINORITY POLICIES IN SLOVAKIA AND ROMANIA AT THE TURN OF THE 21ST CENTURY

Barinov I. I., Pantin V. I.

Barinov Igor Igorevich, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23.

E-mail: barinovnoble@gmail.com.

Pantin Vladimir Igorevich, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23.

E-mail: v.pantin@mail.ru.

This article has been written with the financial support of a grant provided by the Russian Science Foundation within the framework of project № 15–18–00021, “Regulating interethnic relations and managing ethnic and social conflicts in the contemporary world: the resource potential of civic identity (a comparative political analysis)” at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

The article deals with the key trends and characteristics of policy towards national minorities in Slovakia and Romania at the end of the 20th — the beginning of the 21st century. The main thesis is that while there are certain features common to both these countries, they implement different models of national (ethnic) relations regulation; their historical features determine this difference. One of the key differences is that Slovakia gained its independent statehood relatively recently, while Romania has far more longstanding traditions of construction and development of statehood; hence the differences in the position of national minorities and the state policy towards them. For example, in Slovakia, relations between Hungarians and Slovaks remain quite strained, while in Romania, despite the problem of Transylvania, relations between Romanians and Hungarians are less conflicting. The authors come to conclusion that prospects of effective regulation of the position of national minorities in Slovakia and Romania will largely depend on the possibility of a constructive dialogue between the governments of these countries, national minorities and the leadership of the European Union. To ensure such a dialogue, on the one hand, governments of Slovakia and Romania should take a responsible approach to regulation of national relations; on the other hand, the EU leadership should consider the historical and cultural background of the countries of Central and Eastern Europe in its relevant policies.

Key words: national minorities, Slovakia, Romania, European Union, ethno-political processes, regulation of interethnic relations.

References

1. Alcock, A. (2000). *A History of the Protection of Regional Cultural Minorities in Europe*. Basingstoke: Macmillan Press.
2. Brubaker, R. (1996). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Buček, J. (2001). Responding to Diversity: Solutions at the Local Level in Slovakia. In A. M. Bíró & P. Kovács (Eds.) *Diversity in Action: Local Public Management of Multi-Ethnic Communities in Central and Eastern Europe* (pp. 273–306). Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative.

4. Chiribucă, D. & Magyari, T. (2003). Impact of Minority Participation in Romanian Government. In M. Robotin & L. Salat (Eds.) *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* (pp. 69–91). Budapest: Open Society Institute.
5. Daftary, F. & Gal, K. (2003). The 1999 Slovak minority language law: internal or external politics? In D. Farimah & F. Grin (Eds.) *Nation-Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries* (pp. 31–71). Budapest: Open Society Institute.
6. Gracianskaja, N. N. (2000). Jetnicheskie men'shinstva v Slovakii [Ethnic Minorities in Slovakia]. In M. Ju. Martynova, N. N. Gracianskaja (Eds.) *Evropa na rubezhe tret'ego tysjacheletija: narody i gosudarstva* [Europe at the Turn of the Third Millennium: nations and states] (pp. 229–251). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences Publ.
7. Horváth, I. & Scacco, A. (2001). From the Unitary to the Pluralistic: Fine-tuning Minority Policy in Romania. In A. M. Bíró & P. Kovács (Eds.) *Diversity in Action: Local Public Management of Multi-Ethnic Communities in Central and Eastern Europe* (pp. 243–271). Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative.
8. Malahov, V. S. (2005). *Nacionalizm kak politicheskaja ideologija* [Nationalism as a Political Ideology]. Moscow: KDU.
9. Nelaeva, G. A. (2010). Evropeizacija i prava vengerskogo men'shinstva v otnoshenijah Vengrii i Slovakii [Europeanization and the Rights of the Hungarian Minority in the Relations of Hungary and Slovakia]. *Evropa* [Europe], 9, 117–125.
10. Némethová, D. & Öllös, L. (2003). Hungarians in the Slovak Government. In M. Robotin & L. Salat (Eds.) *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* (pp. 113–139). Budapest: Open Society Institute.
11. Semenenko, I. S. (2016). Politika identichnosti i identichnost' v politike: etnonazional'nye rakursy, evropeiskii kontekst [Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context]. *Polis. Political Studies*, 4, 8–28.